

УДК 141.319.8
doi:10.35853/vestnik.gu.2025.13-1.10
5.7.8.

Трансформация трактовки психической реальности в теории Фрейда

Кирилл Вячеславович Кянганен

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, kirill.kyanganen@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0529-9533>

Аннотация. В статье отмечается ряд концептуальных проблем, связанных с неопределенностью трактовки психической реальности в психоанализе Фрейда. С одной стороны, специфичность понимания психического приводит к разделению психической и социокультурной реальностей. С другой стороны, Фрейд обнаруживает феномены психического в культурной деятельности и человеческой коммуникации. Исследуются истоки понятия психической реальности в неоконченном труде Фрейда «Проект научной психологии» (1895). Акцентируется внимание на изменении подхода Фрейда к пониманию генезиса психического. Если в ранних работах проблема психической реальности рассматривалась в контексте исследования травматических событий прошлого, то в поздних работах можно заметить отказ от поисков исторической истины. Отмечается, что после обнаружения негативного влияния фантазий на формирование психического Фрейд переосмыслил роль культурных норм и запретов в жизни человека. Он также отделил переживания, вызванные объективными причинами, от переживаний, связанных с психической репродукцией. Показывается, как Фрейд в процессе исследования психологии народов периодически возвращался к теории травмы. В заключение отмечается, что нарушение целостности человеческого бытия, выявленное Фрейдом в ходе исследования «великих комплексов», привело к выделению психической реальности в самостоятельную инстанцию с собственной логикой функционирования. Между тем, исследуя феномены психического в коллективном опыте, искусстве, религии, науке, Фрейд пытался определить природу и сущность человека. Таким образом, структура психоаналитической теории позволяет рассматривать ее как антропологический проект, отвечающий на вопрос: «Что такое человек?»

Ключевые слова: психоанализ, воображение, психическая реальность, метапсихология, философская антропология

Для цитирования: Кянганен К. В. Трансформация трактовки психической реальности в теории Фрейда // Вестник Гуманитарного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 111–122. DOI 10.35853/vestnik.gu.2025.13-1.10.

Transformation of the Concept of Psychic Reality in Freud's Theory

Kirill V. Kyanganen

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia,
kirill.kyanganen@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0529-9533>

Abstract. The author points out a number of conceptual problems related to the uncertainty of the interpretation of psychic reality in Freud's psychoanalysis. On the one hand, the specificity of Freud's understanding the psychic leads to the separation of psychic and socio-cultural realities. On the other hand, Freud discovers the phenomena of the psychic in cultural activity and human communication. This paper explores the origins of the concept of psychic reality in Freud's un-

finished work, *The Project of Scientific Psychology* (1895). The author focuses on the change in Freud's approach to understanding the genesis of the psyche. If in early works the problem of psychic reality was considered in the context of studying traumatic events of the past, in later works one can notice a rejection of the search for historical truth. It is noted that after discovering the negative influence of fantasies on the formation of the psyche, Freud rethought the role of cultural norms and prohibitions in human life. Freud separated experiences caused by objective circumstances from experiences related only with psychic reproduction. The author shows how Freud, in the process of researching the psychology of nations, periodically returned to the theory of trauma. The author comes to the conclusion that the violation of the integrity of human existence, revealed by Freud during the study of the "great complexes", led to the separation of mental reality into an independent instance with its own logic of functioning. At the same time, exploring the phenomena of the psychic in collective experience, art, religion and science, Freud constantly tried to identify the nature and essence of human. In conclusion, it is noted that the structure of Freud's theory allows us to consider it as an anthropological project answering the Kant's question, "what is a human being?"

Keywords: psychoanalysis, imagination, psychic reality, metapsychology, philosophical anthropology

For citation: Kyanganen KV. Transformation of the Concept of Psychic Reality in Freud's Theory. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University. 2025;13(1):111-122.* (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2025.13-1.10.

Введение

Проблема психического была и до сих пор является предметом философского анализа. В конце XIX и первой трети XX века вопрос о связи психического/духовного/душевного и физического/материального/природного ставился Э. Махом, А. Бергсоном, Г. Риккертом, Э. Гуссерлем, позже – Х. Плеснером. А соотношение сознательного/бессознательного, определение статуса фантазии, воображения и аффектов начиная с Нового времени – Р. Декартом, Б. Спинозой, Д. Юмом, Г. Лейбницем и др. Христиан Вольф (1679–1754) сформулировал закон вытеснения одних перцепций – другими. Иоганн Фридрих Герbart (1776–1841) детально описал концептуальную конструкцию вытеснения и ввел в оборот понятие «порог сознания», которое в дальнейшем использовалось в психоанализе. Герbart указал, что мы не можем определить точных границ внутреннего восприятия. Кроме того, сам акт восприятия может оставаться незамеченным, следовательно нужно разделять психическое и сознательное [Герbart 2007, с. 132]. Немецкий философ Теодор Липпс (1851–1914) выдвинул тезис, в соответствии с которым основной формой психической жизни являются бессознательные факторы. При этом принципиально новая трактовка внутреннего мира человека, а с ним и культуры в целом принадлежит З. Фрейду. Как отмечает Б. Нельсон, уже дебют 1899 г. «Толкование сновидений» «положил начало экзистенциальному сознанию двадцатого столетия» [Freud and the 20th Century 1963, p. 10]¹, а самому Фрейду была предначертана роль посредника в смене научной и культурной парадигм XIX в. [Ibid., p. 9].

Современных авторов, исследующих философские аспекты психоаналитической теории Фрейда, можно объединить в следующие группы. К первой относятся те ученые, которые стремятся интерпретировать труды Фрейда в контексте фундаментальных философских проблем. Так, Майкл П. Левин полагает, что проблемы, обсуждаемые Фрейдом, актуальны для философии языка, теории познания, этики. А поворот, осуществленный психоанализом в понимании человеческой природы, не прошел для современной философии сознания бесследно. Стало понятно, что для построения этических систем необходим не только учет социальных и политических факторов, но и определение того, что значит быть человеком. И в этом плане психоанализ, на взгляд Левина, дает наиболее значительный ответ XX столетию на вопрос: что такое человек? [Levine 2000, p. 1–5]. Дж. Саллис, исследуя теорию сновидений Фрейда, поднимает

¹ Здесь и далее цитаты из иностранных источников даны в переводе К. В. Кянганена.

проблему поисков пределов вмешательства логики воображения в жизни человека. Как, спрашивает он, этиологически отделить сон и грезу от спонтанной творческой активности и конструирования познавательных схем, если и в том и в другом случае действует бессознательное? [Sallis 2004, p. 15]. Дж. Миллс стремится переосмыслить основную идею Фрейда о том, что психическая реальность находится под контролем бессознательного. Если предшествующие философы, утверждает Миллс, лишь обосновывали отдельные фрагменты неосознаваемых психических процессов, то Фрейд расширил понимание психического, сместив сознательную деятельность с руководящей позиции. Фрейд подверг критике тезис о прозрачности сознания для самого себя, существовавший со времен Декарта, что, на взгляд Миллса, привело к необходимости пересмотра всего научного знания о человеке, накопленного за прошлые столетия [Mills 2004, p. X]. Т. Рокмор полагает, что метод анализа бессознательного в теории сновидений Фрейда наводит на мысль о возможности связать психоаналитическую интерпретацию с общей проблемой познания [Rockmore 2004, p. 18].

Вторая группа исследователей предлагает совершить экскурс в прошлое и переосмыслить истоки психоаналитической теории. К примеру, М. Фиттч фокусируется на влиянии романтизма (в особенности Ф. Шеллинга) и посткантианского идеализма на формирование психоаналитического тезауруса. Отвергая традиционные ответы о возникновении психоанализа, которые были даны самим Фрейдом, а также интерпретации в духе лакановского и постмодернистских подходов к пониманию психического, Фиттч предлагает рассмотреть роль идей бессознательной природы, субъективности, практик экзорцизма, транса и др. в немецкоязычных трудах врачей и философов начала XIX столетия. Фиттч ставит несколько принципиальных вопросов. Во-первых, занимаются ли современные исследования историей психоаналитических идей, если они сосредоточены на текущих дискуссиях в области теории литературы и континентальной философии? [Ffytche 2012, p. 3]. Во-вторых, «означают ли такие термины, как “субъективность” и “психическое”, одно и то же в девятнадцатом, двадцатом, а теперь и в двадцать первом веке?» [Ibid., p. 6]. В-третьих, правомерно ли искать истоки психоаналитических идей исключительно в парадигмах самих психоаналитиков? [Ibid., p. 8–9]. Отрицая антиметафизическую позицию основателя психоанализа, Фиттч утверждает, что в трудах Фрейда «есть очевидные следы наследия месмеризма и психофизики, романтической литературы и философии природы» [Ibid., p. 9]. Впрочем, и такие исследователи, как Бухгольц и Гедде, также отмечали, что фрейдовская метапсихология претендовала на положение, которое исторически занимали теология и философия. Ключевой вопрос, который ставит Фиттч: унаследовал ли Фрейд идею бессознательного психического от раннего романтизма начала XIX столетия? И если да, то чьи именно версии [Ibid., p. 9]? Двигаясь от кризиса представлений о «Я» в теории И. Г. Фихте, отмечая, как «Шеллинг перенес философский интерес Фихте к автономии на философию природы, целью которой является описание человеческого самосознания, проявляющегося в качестве высшего проявления эволюции самой природы» [Ibid., p. 32], как впоследствии благодаря подходу Шеллинга понятие бессознательного сместило с пьедестала главенствующую роль сознания, Фиттч надеется прояснить кардинальные изменения в исследовании психического. «Философский подход Шеллинга переворачивает науку о субъективности с ног на голову, поскольку придает наибольшее значение таинственности природы и истокам индивидуального существования, а понятие бессознательного отдает приоритет над сознанием» [Ibid.]. При этом цель работы Фиттча – не раскрытие исторических аспектов культурного наследия психоанализа, а поиски не признанных ранее последствий психоаналитической историографии, позволяющих «возникнуть новым перспективам и совершенно новым вопросам» [Ibid., p. 15]. Фиттч стремится вписать психоанализ в романтическую традицию и полностью изменить существующий психоаналитический дискурс.

Ш. Гилад предлагает переосмыслить концепцию свободы Шеллинга и то, как она повлияла на психоаналитическую теорию Фрейда [Gilad 2015, p. 149]. Гилад утверждает

ет, что бессознательная активность в психоанализе может пониматься как латентный процесс формирования личности отдельного человека, «сущности, которой человек должен следовать в жизни в качестве необходимого условия своей свободы. Однако, в отличие от Шеллинга, эта сущность поддается контролю и даже развивается с помощью фрейдовской терапии» [Gilad 2015, p. 151]. Психоаналитический метод способствует трансформации застывшей структуры бессознательного Шеллинга в подвижную конструкцию, соответствующую психодинамическому подходу Фрейда. Так, утверждает Гилад, если у Шеллинга история конституировалась бессознательным, рассматриваясь «как скрытая произвольная сторона субъекта» [Ibid.], то у Фрейда, при схожих предпосылках возникновения сознания, описанных в работе «Тотем и табу», история и свобода уже не противоречат друг другу. Если у Шеллинга «свобода находится вне истории, а человеку остается только прошлое» [Ibid., p. 155], которое приводит его к слепому подчинению сформировавших его иррациональных первоначал природы, то у Фрейда идея доисторического акта, связанного с вневременным «мифом о сотворении мира, в котором история, религия и цивилизация были сформулированы для вечности» [Ibid.], имеет ряд принципиальных отличий. Так, хотя фрейдовский субъект понимается на основе универсальной матрицы влечений и не трактуется исторически, тем не менее человеку не закрыт доступ в бессознательное, и терапевтическая практика способствует самопониманию. Соответственно, заключает Гилад, и у Шеллинга, и у Фрейда субъект есть совокупный результат действия бессознательного. А его предыстория напрямую влияет на границы человеческой свободы. Гилад утверждает, что в отличие от Шеллинга Фрейд верит в перемены, однако человек вступает в социальную реальность лишь после того, как его характер будет бессознательно сформирован. Поэтому «бессознательная деятельность определяет нашу сущность, то есть нашу личность» [Ibid., p. 158]. Гилад пишет, что Фрейд заимствовал у Шеллинга эпистемологию, романтические понятия «влечения» и «грезы», развил идею историчности человека и вынес предостережение о недопустимости безграничной свободы, которая приравнивалась к инфантильной вере в собственное всемогущество. Поэтому, резюмирует мысль Гилад, «с психоаналитической точки зрения философия субъективности Шеллинга ввела драму бессознательного в западную культуру» [Ibid., p. 155].

Как мы видим, одна группа ученых предлагает рассматривать фундаментальные проблемы философии сквозь призму теории Фрейда. Другая группа предпринимает попытки ревизии основных психоаналитических идей. При этом собственно проблема генезиса психической реальности и ее противоречия в самой теории Фрейда специально не исследуются. Между тем, с учетом обширного влияния психоанализа на философское сознание XX–XXI столетий, представляется важным рассмотреть проблему психической реальности в этом ракурсе.

На подступах к определению психического: мысленная реальность и проект научной психологии

3. Фрейд начинал самостоятельную творческую деятельность как исследователь патопсихологической проблематики. Его настроенность на создание принципиально нового подхода к анализу психического требовала разработки новой методологии и нового языка, описывающего и интерпретирующего события интрапсихического мира. Однако, несмотря на то что Фрейд стремился дистанцироваться от научной медицины, в которую проник позитивизм (см.: [Tauber 2009, p. 34]), и философии, вектор развития психоаналитической теории неизбежно предполагал выход за границы психотерапевтической практики. Поднимая проблему связи человека и мира, индивида и общества, соотношения сознания и бессознательного, Фрейд обращался к традиционным философским вопросам о сущности души, природе человека, проблеме ценностей, смысле и роли религии, истоках морали и нравственности. Рассмотрение данных тем постепенно привело основателя психоанализа к новому пониманию человека. При этом стремление избежать классического философского теоретизирования отразилось на поня-

тийном аппарате психоанализа. Ключевые аналитические концепты психической и действительной/фактической реальностей оставались размытыми на протяжении всей истории глубинной психологии. Как указывает Валлерстайн, «в сравнении с тем, что всю свою жизнь Фрейд был озабочен концепциями тестирования (проверки) реальности и принципа реальности... Фрейд гораздо меньше уделял внимания определению того, что он понимал под реальностями (любого рода) или различению между ними» [Wallerstein 1985, p. 556].

Прототипом концепта психической реальности можно считать определение мысленной реальности, изложенное в «Проекте научной психологии» (1895). В названной работе можно заметить попытки Фрейда создать единую концепцию, синтезирующую знания физиологии и психологии с некоторыми открытиями, полученными в области нейронаук. Десятилетия спустя некоторые психоаналитики будут отстаивать тезис о том, что используемые Фрейдом нейрофизиологические рассуждения корректнее рассматривать в качестве метафор, предвещающих формирование уникальной «психологической» модели психики (см., напр.: [Grossman 1992, p. 38–57; Modell 1994, p. 341]). Выделяя понятия «мысленной реальности» и «внешней реальности», Фрейд указывал на их принципиальное отличие. При этом критерием, по которому определялось, идет ли речь о внешней реальности или мысленной, являлся источник психоневрологических стимулов. В тексте нет конкретных определений, а есть лишь указания на необходимость выделения двух принципиально разных феноменов. Так, 18-й параграф называется «Мысль и реальность» [Freud 1954, p. 394]. Фрейд соотносил недавние достижения естественных наук (в частности, открытые в 1892 г. нейроны и синаптическую передачу) с клиническими наблюдениями за пациентами, страдающими истерией. Как он утверждал, «целью и концом всех мыслительных процессов является установление состояния тождества» [Ibid.]. Если познающее, то есть «судящее», по Фрейду, мышление ищет тождества с соматическим катексисом, то репродуктивное – с психическим (имеется в виду опыт/переживания субъекта) [Ibid.]. При этом область первого первична по отношению к психическому катексису, поскольку последний получает информацию из соматических источников (опыт, ощущения, двигательные образы) «для дальнейшего ассоциативного путешествия» [Ibid., p. 395]. То есть побуждения к действию. Пока соматические источники остаются в инактивной фазе, переживания просто невозможны в силу того, что телесно не восприняты. «К примеру... никакие сексуальные переживания не могут произвести никакого эффекта до тех пор, пока у субъекта нет сексуальных чувств. То есть, вообще говоря, до начала половой зрелости» [Ibid., p. 394]. При этом, отмечал основатель психоанализа, первичный процесс демонстрируется в работе функции суждения². Здесь следует оговориться, что во фрейдовской метапсихологии присутствуют два способа психического функционирования: первичный и вторичный процессы, телеологически соответствующие: первый – принципу удовольствия, второй – принципу реальности (см.: [Cieri, Esposito 2019, p. 3]).

Первичный процесс действует в качестве механизма Id (хотя в «Проекте» 1895 г. Фрейдом еще не было разработано данное определение) по снятию напряжения, генерируемого принципом удовольствия. Он замещает непосредственную активность, реализующую опасные либо неприемлемые побуждения. Id продуцирует мысленный образ желаемого объекта, замещающий побуждение, и тем самым рассеивает напряжение и вызванное им беспокойство. Этот образ может принять форму галлюцинации, фантазии, сновидения или же убеждения. Задача ментального образа – вызвать переживание исполнения желания. Как утверждает Бадаламенти, «с функциональной точки зрения первичный процесс не что иное, как помощник в создании сновидений и симптомов» [Badalamenti 2018, p. 91]. Сам Фрейд приводил пример с болевыми ощущениями, заявляя, что восприятие в первичном процессе имеет «подражательное значение» [Freud

² Понятие в теории Фрейда – работа суждения, иногда упоминается как работа функции суждения. Например, в труде Фрейда «Отрицание».

1954, p. 395]. «Человек настолько сильно иннервирует свой собственный двигательный образ (который был пробужден, чтобы совпасть с восприятием), что фактически выполняет движение» [Freud 1954, p. 395], при этом желаемое субъектом состояние порождает влечение к объекту или, как уточняется, к его образу в форме воспоминания. Либо же «восприятие может вызвать в памяти образ собственного ощущения боли, так что человек чувствует соответствующее неудовольствие» [Ibid.]. Тем самым Фрейдом демонстрировалась эквивалентность психических и физиологических феноменов. Позже он расширит это понимание и выйдет за рамки неврологии.

Однако уже в «Исследованиях истерии» (1895), опубликованных параллельно «Проекту», Фрейд перенес неврологический паттерн поведения в область психологии, прилагая нейрофизиологическую базу к конверсионным расстройствам. Так, совместно с Й. Брейером он проводит аналогию между «патогенезом обыкновенной истерии и травматическими невротами» [Breuer, Freud 1955, p. 5]. Фрейд заявлял, что психическая травма или, как он уточнял, «воспоминание о травме действует в виде инородного тела, которое еще долгое время после проникновения должно рассматриваться как действующий агент» [Ibid., p. 6]. Так Фрейд подвел нас к такому механизму психологической защиты, как «вытеснение».

Представляется достаточно очевидной параллель между избеганием физической боли и боли душевной: «переживание боли приводит к отталкиванию, нежеланию сохранять катектированным враждебный образ воспоминания. Здесь мы имеем первичное желание выдать желаемое за действительное» [Freud 1954, p. 383]. В статье 1915 года «вытеснение» Фрейд разграничил реакцию на боль и психический механизм вытеснения. Кроме того, уже в ранних работах отмечается, как психологическое событие оказывает влияние на «реальность». Фрейд говорил, что мышление, проходящее в мысленной реальности, «не должно вносить существенных изменений в фасилитации, установленных первичными процессами, иначе оно исказит следы реальности» [Ibid., p. 397]. Однако поскольку первичный процесс характеризуется «свободным и ничем не сдерживаемым течением психической энергии» [Кинодо 2012, с. 48], то нормальное функционирование психического аппарата возможно только при соблюдении определенного количества возбуждения. И здесь возникает серьезная проблема: несмотря на стремление к установлению баланса и стабилизации уровня напряжения, «мыслительные процессы оставляют [в психике] неизгладимые следы» [Freud 1954, p. 397]. Фрейд рассуждал о способах, с помощью которых можно различать мыслительные процессы и отпечатки реальности. Также он утверждал, что конечная цель всех актов мышления – «формирование суждения о реальности» [Ibid., p. 395]. Константный принцип трансформирует «первичные процессы» во «вторичные», защищая психику как от избыточного влияния психической энергии, так и от ее полного оскудения/исчерпания, соблюдая своего рода динамическое равновесие. В свою очередь, «вторичные процессы» призваны «связывать энергию и сдерживать “первичные процессы”» [Кинодо 2012, с. 48].

Анализируя в «Проекте» структуру первичного процесса, Фрейд акцентировал внимание на сне и сновидениях, так как в процессе эволюционного развития серого вещества головного мозга³ подавленные первичные процессы высвобождаются во снах. Важнейшим условием сна, по Фрейду, является отсутствие физических потребностей и внешних раздражителей, а предваряющим его фактором служит «снижение эндогенного заряда в центре головного мозга, что делает вторичную функцию ненужной... Во сне субъект находится в идеальном инертном состоянии» [Freud 1954, p. 398]. С одной стороны, сон характеризуется инертным состоянием, вызванным сбросом напряжения

³ На с. 364–365 «Проекта научной психологии» Фрейд сравнивает Ψ-систему с серым веществом головного мозга. Ψ-система – это не вся область психики, а та, что ответственна за системное восприятие. Наиболее близко к ней сформированное в последующих работах представление Фрейда о функциях, которые осуществляет Эго. Понятие Ψ-системы используется Фрейдом при обосновании неврологического подхода к пониманию психики.

посредством удовлетворения первичных потребностей, такой сон «характеризуется двигательным параличом, параличом воли» [Freud 1954, p. 400]. Соответственно, благоприятное условие для наступления сна – это исполнение желания. Как заявлял сам Фрейд, цель сновидения – охранять сон, а не нарушать его (см.: [Кинодо 2012, с. 69]). С другой стороны, сон выступает галлюцинаторным удовлетворением желаний [Freud 1954, p. 401], а связи, обнаруживаемые в сновидениях, «частично слабоумны или даже бессмысленны, или странно безумны» [Ibid., p. 400].

Фрейд утверждал, что целью нормальных сновидений является воспроизведение приятных разрядов в коре головного мозга, т. е. высвобождение удовольствия, которое, тем не менее, незначительно, поскольку сны протекают с минимальным моторным изменением. Сны – это регрессивные исполнения человеческих желаний, и только слабость аффекта не позволяет их идентифицировать за таковое осуществление желания. Следует подчеркнуть, что подобный вывод не вполне согласуется с предшествующими заключениями Фрейда о засыпании после получения удовлетворения, поскольку запас энергии накапливается в Эго в состоянии бодрствования⁴. Однако происходит ли то же самое накопление в состоянии сна – большой вопрос. Таким образом, элемент повторного «извлечения» удовольствия, объединяющий представления об инертном состоянии и состоянии «реализующегося желания», распадается. Тем не менее Фрейд наращивал свою позицию, выдвигая гипотезу о том, что «патологические механизмы, обнаруживаемые при тщательном анализе психоневрозов, имеют наибольшее сходство с процессами сновидения» [Freud 1954, p. 398]. Возможный ответ на данное затруднение предложила А. А. Хахалова, отмечающая, что у Фрейда «идея минимального напряжения станет ведущей в представлении об удовольствии. Напомним, что удовольствие связывается с уменьшением напряжения или его минимумом» [Хахалова 2020, с. 94]. Однако в данном случае речь ведется о последующих работах Фрейда. Конечно, можно списать все несоответствия на пересмотр прежних положений, однако, как мы убедимся в дальнейшем, психоанализ Фрейда так и не пришел к единому определению психической реальности, предпочитая универсальному понятию множество смысловых трактовок.

Смена парадигмы: от реальности к фантазии

Уже два года спустя после публикации «Исследований истерии» и «Проекта научной психологии», в письме от 21 сентября 1897 года, адресованном своему другу Флиссу, Фрейд признался: «Я больше не верю в мою невротичку» [Кинодо 2012, с. 59]. Он вынужден был пересмотреть ставшую неактуальной теорию соблазнения, сохранив при этом основные психоаналитические постулаты. Как отмечает Ж. В. Риллаер, это был единственный случай в истории Фрейда, когда тот под давлением обстоятельств отказался от предыдущей «теории соблазна в пользу теории фантазма» [Риллаер 2010, с. 122–123]. Изначально Фрейд выдвигал предположение о том, что симптомы истерии порождены воздействиями реальных событий, которые ввиду своей болезненности либо крайней степени неудовлетворительности оказались исключены (вытеснены) за пределы сознания. При этом вытесненный фрагмент воспоминаний сохранял действительность во второй «инстанции» психики и приобретал характер автономного комплекса, независимого от сознательных тенденций. Поскольку он обладал динамической нагрузкой (не произведено отреагирование), то при наступлении определенной совокупности условий фрагмент возвращался из вытеснения, реализуясь в форме истерических симптомов. Фрейд утверждал, что истерический симптом можно рассматривать «как выраженное в действии замаскированное либо искаженное представление/воспоминание о том, что было действительным событием» [Arlow 1985, p. 521].

Немногим позже он обнаружил, что события, принимаемые им за сексуальные сцены соблазнения, в действительности не имели места, а лишь отображали детские

⁴ О чем Фрейд сообщал на 398-й странице «Проекта».

фантазии, спроецированные на родителей. В работе «Сексуальность в этиологии невротозов» (1898) Фрейд ввел важное уточнение, изменив подход к причинам возникновения психоневротозов. Он говорил о патогенном воздействии детских переживаний [Фрейд 2006, с. 31], однако на этапе, пока органы ребенка недостаточно развиты и не наступило половое созревание, таковые фантазии приобретают отсроченный характер «последствия». Последние с определенной периодичностью реактуализируются из «психических следов, которые оставили после себя инфантильные сексуальные переживания» [Там же].

В «Толковании сновидений» (1900) Фрейд представил модифицированный вариант концепта мысленной реальности и впервые обозначил ее как «психическую», заявив, что «бессознательное – истинная психическая реальность» [Freud 2010, p. 607]. Тем самым на момент первого издания книги психическое, вероятно, понималось как совокупность фантазий и бессознательных импульсов, противостоящих давлению материального мира. А в редакции 1919 года появилось уточнение, согласно которому психическая реальность признавалась особой формой существования, отличной от материальной реальности [Ibid., p. 614]. Необходимо пояснить, что под материальной реальностью Фрейд подразумевал не только материальные предметы, но и социальную реальность. Между тем он продолжал сомневаться, признавать ли за бессознательными желаниями значение реальности⁵ [Фрейд. Толкование сновидений. 2020, с. 443].

Дальнейший пересмотр модели психической реальности и ее концептуальное оформление были произведены в работе 1913 года «Тотем и табу». Находясь под влиянием исследований К. Г. Юнга, Фрейд изменил понимание психической реальности, вовлекая в фокус теории мифологические сюжеты древних народов. По Фрейду, формирование психической реальности произошло в результате действительного события прошлого (амбивалентное отношение к отцу, выродившееся в убийство). Отсюда – феномен «творческого осознания своей виновности» [Фрейд. Тотем и табу. 2020, с. 156], который он обнаруживает и в случае отклонения психического развития, когда таковое «действует асоциальным образом» [Там же].

Осмысление творчества как процесса переработки инфантильной фантазии найдет выражение в трудах, посвященных причинам человеческих стремлений к научному поиску. Так, в «Воспоминании Леонардо да Винчи о раннем детстве» Фрейд утверждал, что ранняя любознательность ребенка, увязываемая с наивным вопросом: «откуда берутся дети?» – это прототип зрелого научного интереса, обостренного вследствие недоверия, вызванного обманом со стороны взрослых, и собственной интеллектуальной неудачи, которая постигает каждого ребенка. Вследствие чего сексуальный интерес не только усиливает исследовательский импульс, но и исторически ему предшествует, трансформируясь в желание всеведения и всемогущества. По словам Фрейда, ученые, писатели и поэты заняты только превращением страсти в плоды мысленной деятельности, подчиняя аффекты творческому поиску [Фрейд 2016, с. 101]. Фрейд утверждал, что ребенок, протиясь воле взрослых, проявляет своего рода враждебность.

В «Тотеме и табу» можно заметить, как аналогичная враждебность проявляется по отношению к отцу, которая и в первом (пример с любопытством), и во втором случае замещается фантазией. Так, можно заключить, что враждебность – один из элементов становления психической реальности. Фрейд отмечал, что переживания невротиков оказывают дезинтегрирующее воздействие, влияют на мотивацию и чувство реальности. «Невроз характеризуется тем, что он ставит психическую реальность выше фактической, реагирует на мысли столь же серьезно, как нормальные люди – лишь на реальные факты» [Фрейд. Тотем и табу. 2020, с. 157]. Проблема в том, что концепция психического у Фрейда продолжала базироваться на гипотезе об исторической реаль-

⁵ Хотелось бы пояснить, что у Фрейда не было однозначного ответа, что он понимал под реальностью, и в данном случае он задавался вопросом не о том, стоят ли желания внимания, а о том, могут ли бессознательные желания быть признаны реальностью какого-либо рода или им следует в этом отказать?

ности событий прошлого, поэтому Фрейд утверждал, что у первобытных людей «психическая реальность... совпадала с фактической реальностью». Первобытные люди действительно воплощали агрессивные импульсы в жизнь, совершая убийства и акты каннибализма. Несложно заметить, что без данного допущения невозможно большинство выводов о природе психического в классическом психоанализе. К примеру, как отделить фактическую реальность от психической, как вообще возможна психическая реальность без соприкосновения с внешними «фактами»? Если для первобытного сообщества психическая реальность была действительной, то для конкретной личности она, в силу сомнения Фрейда в теории травмы, воспроизводила приводящие к психопатологии фантазии.

Описывая богатство внутреннего мира примитивного человека и невротика, основатель психоанализа приходит к двум утверждениям. Первое: «для первобытного человека желания и импульсы имеют значение полноценных фактов» [Фрейд. Тотем и табу. 2020, с. 157]. Второе: можно рассматривать такое состояние «самоуглубленности» как аспект нарциссизма. Фрейд говорил об инфантильных чертах, присущих первобытным народам и пациентам, однако если у дикарей инфантилизм связан преимущественно с неосознанностью происходящего, то в невротическом контексте сходная модель реагирования становится регрессивной, задерживающей развитие [Там же, с. 20–21]. У дикарей и невротиков не имеется «строгого разделения между мышлением и деянием» [Там же, с. 158]. Но если у первобытного человека «мысль беспрепятственно превращается в действие» [Там же], то у невротика – замещает его. У первобытного человека наличествует «практическая потребность овладеть миром» [Там же, с. 77], которая вполне естественна для анимистической системы мышления. Однако, как отмечал Фрейд, на стадии научного миропонимания прежнее отношение между мыслью и поступком приобретает черты патологии.

При этом без перверсивной составляющей психическая реальность наиболее полно отражена, на взгляд Фрейда, именно в анимизме, так как анимистическое воззрение «объясняет сущность мира без остатка» [Фрейд. Тотем и табу. 2020, с. 77], наделяя его такими качествами, как прозрачность и безопасность. В то же время анимизм всецело соответствует запросам примитивного человека, поскольку на данной стадии еще невозможно говорить о каком-либо существенном ограничении желаний объективными законами. Поэтому анимизм, как правило, сопровождает практическое руководство по колдовству и магии.

В чем для Фрейда проявлялась переоценка психических актов, наблюдаемая в магическом мышлении? Первое – это смешение идеального и реального, приводящее к психологизации всего окружения. Второе – возникающая на основе данного смешения вера в прямое влияние мышления на объективный мир. «Мотивы, заставляющие использовать магию... это – желания человека... В сущности, всё, что он создает магическим способом, должно случиться лишь потому, что он этого хочет» [Фрейд. Тотем и табу. 2020, с. 83]. Магические действия служили моторной разрядкой, имитирующей удовлетворение желания. Фрейд сопоставлял переживание такого удовольствия с детской игрой. Однако постепенно, по мере развития Эго и принципа реальности, власть психического уменьшалась. Утрачивается и вера в проективную силу воображения. Тогда «становится возможным психический феномен сомнения как выражения склонности к вытеснению» [Там же]. Люди вынуждены признать, что «заклинание духов ничего не дает, если в него не верят, и что даже волшебная сила молитвы отказывает, если за ней не стоит благочестие» [Там же, с. 84].

При этом Фрейд постарался развести психическую реальность и переживания, связанные с «реальным», говоря, что «решающим моментом симптомообразования является не реальность переживания, а реальность мышления» [Фрейд. Тотем и табу. 2020, с. 85]. Помимо описания клинических случаев патогенного эффекта фантастической жизни в современном мире, Фрейд попытался обобщить накопленный материал в целях построения цельной теории развития психического. Он предложил типологию пси-

хогенеза, учитывающую ограниченность влияния магии, ритуалов, приношений и др. на практическую жизнь людей. Так, на стадии анимизма человек приписывает всемогущество себе, на религиозной – уступает богам, однако сохраняя за собой право воздействовать на божественный промысел посредством жертвоприношений, ритуалов и т. д.

Наконец, Фрейд утверждал, что научное мировоззрение порывает с проекциями душевной жизни, навязывающими миру свои притязания. Смиранный индивид избавился от иллюзий и больше не хочет утверждать инфантильные мотивы. «В научном мировоззрении нет более места [для] всемогущества человека, он признал свою слабость и покорился смерти, как и всем другим природным необходимым» [Фрейд. Тотем и табу. 2020, с. 87]. Но на этом Фрейд не остановился, заключив, что даже вера в силу современного разума сохраняет в себе отголоски примитивной душевной организации. Не случайно Фрейд в диалогах с Юнгом постоянно настаивал на неизбежном роке, нависшем над человечеством: детских проблемах и вырастающих из них комплексов, присущих каждому взрослому индивиду независимо от того, к какому историческому периоду он принадлежал. Таким образом, мы видим, что в «Тотеме и табу» Фрейд повторно возвращался к теории травмы и ее связи с вытеснением душевной боли. Это свидетельствует о том, что отказ от теории травмы в пользу теории фантазма в 1897 г. не был окончательным. Можно предположить, что Фрейд признавал за первобытным человеком психическую целостность, а с ней – и реальность укоров совести за совершенные преступления, в то время как современникам оставались лишь переживания неосуществившихся фантазий, приведшие к обособлению психического.

Заключение

Итак, трансформация психической реальности у Фрейда происходила следующим образом: в «Проекте научной психологии» было предложено понятие «мысленной реальности», противоположной «внешней реальности». В «Исследованиях истерии» отправной точкой в развитии психической реальности стала теория травмы. После «разоблачения» своих пациентов основатель психоанализа пришел к выводу, что психическая реальность состоит из фантазий, которые продуцируются нарциссизмом. Подобное заключение потребовало расширения контекста исследования психического. Сосредоточившись на переживаниях ребенка, Фрейд допустил предположение, что вся детская реальность является фантезийной. И лишь по мере развития Это происходит ограничение инфантильных притязаний. В «Толковании сновидений» Фрейд определил бессознательное как психическую реальность, противоположную материальной реальности. В работе «Леонардо да Винчи о раннем детстве» Фрейд предположил, что наука и искусство могут рассматриваться в качестве психической реальности, так как мотивы, лежащие в основе научного поиска и творчества, напрямую связаны с инфантильными желаниями всеведения и всемогущества, а сам процесс создания культурных артефактов отражает действие механизма сублимации. В «Тотеме и табу» Фрейд провел историческое исследование психической реальности и выявил несколько ее отличительных признаков: во-первых, это магическое мышление; во-вторых, переоценка психических актов; в-третьих – нарциссические фантазии; в-четвертых – преобладание инфантильных желаний над принципом реальности; в-пятых, наличие негативных переживаний, связанных с неисполнением желаний. Наконец, в-шестых, обособление психического от фактического.

Для Фрейда весьма характерно связывать импульс в развитии сознания с травматическим опытом первобытного человека. Следовательно, можно предположить, что сознание возникает в результате расщепления психической жизни. На данный вывод указывает в том числе и тезис, высказанный самим Фрейдом: «Понимание табу также проливает свет на природу и возникновение совести... в некоторых языках ее обозначение фактически не отличается от обозначения сознания» [Фрейд. Тотем и табу. 2020, с. 68].

Таким образом, Фрейд, исследуя феномен психической реальности, ставил вполне философские вопросы, а его психоаналитическая теория предложила своеобразные ответы на классические вопросы И. Канта. На вопрос: «что я могу знать?» – Фрейд ответил, что бессознательное в повседневной жизни воздействует на мыслительную деятельность не в меньшей степени, чем сознательное. Однако критика сознания состоит не только в деструкции антропологического опыта. Напротив, она призвана расширить прежние представления о себе и заставить переосмыслить истоки творческого и научного поисков. На второй вопрос Канта: «что я должен делать?» – Фрейд ответил, что человеку, в целях сохранения душевного благополучия и достижения психической зрелости, следует пересмотреть роль культурных институтов, которые теми или иными способами содействуют сохранению инфантильных желаний. Фрейд попытался определить пределы человеческой свободы. Несмотря на то что нормы и практики социального взаимодействия оказывают влияние на каждого индивида с раннего детства, за человеком сохраняется определенная степень автономии, хотя и значительно меньшей, чем полагали мыслители Нового времени и Кант. Наконец, отвечая на вопрос: «на что я смею надеяться?», Фрейд, подобно Фейербаху, предложил перенести веру в Бога и духовного лидера на веру человека в самого себя. Таким образом Фрейд напрямую пытался ответить на классический для философской антропологии вопрос: «что такое человек?», но с собственной, уникальной позиции.

Список источников

- Герbart И. Ф. Психология / пер. А. Нечаева. М. : Территория будущего, 2007. 288 с.
- Кинодо Ж.-М. Читая Фрейда: изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе / пер. с фр. О. Я. Журавлева. М. : Когито-Центр, 2012. 416 с.
- Риллаер Ж. В. Механизмы защиты фрейдистов // Логос. 2010. № 3 (76). С. 117–139.
- Фрейд З. Сексуальная жизнь : монография / пер. с нем. А. М. Боковой. М. : Фирма СТД, 2006. 312 с.
- Фрейд З. Толкование сновидений / пер. с нем. М. К. и Я. М. Коганов. М. : Академический проект, 2020. 475 с.
- Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. А. М. Боковой. М. : Академический проект, 2020. 159 с.
- Фрейд З. Хрестоматия : в 3 т. Т. 3 : Изобразительное искусство и литература / пер. с нем. А. М. Боковой. М. : Когито-Центр, 2016. 312 с.
- Хахалова А. А. Энергичная природа нервной системы в «Наброске одной психологии» З. Фрейда // EINA1: Философия. Религия. Культура. 2020. Т. 9, № 1 (17). С. 79–95.
- Arlow J. A. The Concept of Psychic Reality and Related Problems // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1985. Vol. 33, no. 3. P. 521–535. DOI 10.1177/000306518503300302.
- Badalamenti A. F. Equivalence in Freud's Primary Process // The Psychoanalytic Review. 2018. Vol. 105, no. 1. P. 91–117. DOI 10.1521/prev.2018.105.1.91.
- Breuer J., Freud S. Studies on Hysteria / translated from the German and edited by J. Strachey. Basic Books, Inc., by arrangement with The Hogarth Press, 1955. 335 p.
- Cieri F., Esposito R. Psychoanalysis and Neuroscience: The Bridge Between Mind and Brain // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. Article 1983. DOI 10.3389/fpsyg.2019.01983.
- Ffytche M. The Foundation of the Unconscious: Schelling, Freud and the Birth of the Modern Psyche. New York : Cambridge University Press, 2012. 310 p.
- Freud and the 20th Century / ed. by B. Nelson. New York : The World Publishing Company, 1963. 314 p.
- Freud S. Project for a Scientific Psychology // The Origins of Psycho-Analysis / translated by E. Mosbacher and J. Strachey. London : Imago Publishing ; New York : Basic Books, 1954. P. 347–445.
- Freud S. The Interpretation of Dreams: The Complete and Definitive Text / translated from the German and edited by J. Strachey. New York : Basic Books, 2010. 674 p.
- Gilad Sh. Schelling and Freud on Historicity and Freedom // Idealistic Studies. 2015. Vol. 45, no. 2. P. 149–167. DOI 10.5840/idstudies20161442.

- Grossman W. I. Hierarchies, Boundaries, and Representation in a Freudian Model of Mental Organization // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 1992. Vol. 40, no. 1. P. 27–62. DOI 10.1177/000306519204000102.
- Levine M. P. Introduction: How Right Does Psychoanalysis Have to Be? // *The Analytic Freud: Philosophy and Psychoanalysis* / ed. by M. P. Levine. London ; New York : Routledge, 2000. P. 1–7.
- Mills J. Preface // *Rereading Freud: Psychoanalysis through Philosophy* / ed. by J. Mills. Albany : State University of New York Press, 2004. P. IX–XV.
- Modell A. H. Neural Darwinism and a Conceptual Crisis in Psychoanalysis. Selectionism and the Brain // *International Review of Neurobiology*. 1994. Vol. 37. P. 335–345. DOI 10.1016/s0074-7742(08)60255-x.
- Rockmore T. Freud's Dream Theory and Social Constructivism // *Rereading Freud: Psychoanalysis through Philosophy* / ed. by J. Mills. Albany : State University of New York Press, 2004. P. 17–34.
- Sallis J. The Logic and Illogic of the Dream-Work // *Rereading Freud: Psychoanalysis through Philosophy* / ed. by J. Mills. Albany : State University of New York Press, 2004. P. 1–16.
- Tauber A. I. Freud's Philosophical Path: From a Science of Mind to a Philosophy of Human Being // *The Scandinavian Psychoanalytic Review*. 2009. Vol. 32, no. 1. P. 32–43. DOI 10.1080/01062301.2009.10592639.
- Wallerstein R. S. The Concept of Psychic Reality: Its Meaning and Value // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 1985. Vol. 33, no. 3. P. 555–569.

Информация об авторе

Кирилл Вячеславович Кянганен, аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Kirill V. Kyanganen, postgraduate student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 01.10.2024.

Одобрена после рецензирования | Revised 04.10.2024.

Принята к публикации | Accepted 07.10.2024.